

Е. В. Черцова

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Дискурсивная семантика парентезы *кажется*

Черцова О. В. Дискурсивна семантика парентези *кажется*. Стаття містить аналіз дискурсивної семантики парентези та тієї ролі, що грає парентеза *кажется* у створенні ілокуції мовленнєвого акта в інформаційному дискурсі. Особлива увага приділяється поняттям «знання комунікативної ситуації» і «комунікативна функція» парентези.

Ключові слова: *парентеза, інформаційний дискурс, знання комунікативної ситуації, мовленнєвий акт, ілокуція, комунікативна функція.*

Черцова Е. В. Дискурсивная семантика парентезы *кажется*. Статья посвящена анализу дискурсивной семантики парентезы и той роли, которую играет парентеза *кажется* в организации иллокуции речевого акта в информационном дискурсе. Особое внимание уделяется понятиям «знание коммуникативной ситуации» и «коммуникативная функция» парентезы.

Ключевые слова: *парентеза, информационный дискурс, знание коммуникативной ситуации, речевой акт, иллокуция, коммуникативная функция.*

Cherntsova E.V. The discourse semantics of parenthesis *кажется*. The article studies the discourse semantics of parenthesis *кажется* and the role the parenthesis *кажется* plays in constructing an illocution of the speech act in informational discourse. The special attention is given to the concepts «knowledge of the communicative situation» and «communicative function» of parenthesis.

Keywords: *parenthesis, informational discourse, knowledge of the communicative situation, the speech act, illocution, communicative function.*

Настоящая статья посвящена рассмотрению дискурсивной семантики и функций парентезы (вводно-модального слова) *кажется*. В современной лингвистике парентезы вместе с частицами и некоторыми наречиями обозначаются термином дискурсивные слова (ДС). Описания ДС представлены в специальных работах: Путеводитель по дискурсивным словам (1993), Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания (1998), а также в исследованиях Ю. Д. Апресяна, Е. В. Падучевой, Т. Е. Янко и некоторых других. Цель статьи – показать применимость метода дискурсивного анализа к исследованию семантики и функций парентез. Методологической базой изучения дискурса как коммуникативного события стала концепция когнитивной модели информационного дискурса [4]. В контексте нашего исследования приобретает релевантность понятие «знание коммуникативной ситуации», поскольку оно позволяет эксплицировать функции парентез в дискурсе¹. В ре-

альном разговоре знание коммуникативной ситуации – это трудноуловимое знание, которое фактически возникает всякий раз заново в тот момент, когда говорящий собирается вступить с собеседником в диалог, и устаревает после каждой трансакции. Основной метаинформационный акт, совершаемый говорящим, – это оценка коммуникативной ситуации. Говорящий должен иметь хотя бы приблизительное представление о том, имеется ли определенный вид знаний у собеседника и если да, то сосредоточено ли на нем в данный момент его внимание. Искренний и опытный говорящий делает все для того, чтобы правильно оценить состояние знаний своего собеседника, хотя ему это не всегда удается. В отдельных случаях неудачная попытка говорящего правильно оценить состояние знаний своего собеседника препятствует намеченному ходу коммуникации [4:41].

В значениях парентез как маркеров говорящего отражается вовлеченность субъекта речи в коммуникативную ситуацию, роль го-

¹ Во всех случаях, когда человек собирается произнести какое-нибудь высказывание, он должен сначала сориентироваться, произвести некоторую оценку речевой ситуации и вынести заключение об общем состоя-

нии знаний и о текущем предмете внимания партнера (оценка состояния когнитивных множеств и множеств активизированных знаний) [4:40].

ворящего как субъекта дискурса. Как показывает языковой материал, для определения функции и семантики парентезы *кажется* релевантен учет иллокуции речевого акта 1) открывающего дискурс; 2) продолжающего дискурс. Важен также коммуникативный регистр: 1) говорящий репродуцирует свое внутреннее ментальное состояние, ощущение, переживание посредством перформативного речевого акта в диалоге; 2) говорящий моделирует сознание, состояние, переживание собеседника посредством речевого акта, обращенного ко второму лицу (в диалоге); 3) говорящий как субъект нарратива описывает действие, сознание, переживание третьего лица. Чтобы зафиксировать участие парентезы в организации иллокуции речевого акта, мы используем термин «коммуникативная функция». По отношению к содержанию общения коммуникативный модус играет вторичную, вспомогательную роль, «метаяпредставляя» общение глазами говорящего или адресата, маркируя осознание ими своего коммуникативного и когнитивного состояния.

1.1. Начнем с инициальных речевых актов – реплик, стимулирующих ответ собеседника. Определим функцию и семантику парентезы в составе первого речевого акта, задающего новую тему разговора в (1):

А – Кажется, за нами следят. Что будем делать?

Б – Не знаю. Давай свернем на соседнюю улицу и посмотрим.

Проанализируем коммуникативную ситуацию (1): своим высказыванием А хочет передать Б информацию о том, что некоторое пропозициональное знание (*за нами следят*) составляет предмет его активизированного внимания. Опираясь на данные своего наблюдения за текущей денотативной ситуацией (*кажется* – маркер этого наблюдения), говорящий А начинает диалог с тем, чтобы проверить правильность своих наблюдений, узнать, разделяет ли собеседник его мнение о ситуации. А рассчитывает на кооперативность поведения Б (*Что будем делать?*). Развитие коммуникативной ситуации зависит от реакции Б, от того, как он оценивает актуальное событие. Реакцию Б можно расценить как кооперативную (*Давай свернем ... и посмотрим*). Нас интересует смысловая и коммуникативная нагрузка парентезы: *кажется* эксплицирует стратегию говорящего А, связанную с попыткой предвидеть возможный промах в оценке коммуникативной ситуации. Говорящий А оценивает результаты своего наблюдения за текущей ситуацией как такие,

которые могут не найти поддержки у Б: например, Б не считает, что кто-то за ними следит (значит, А это только *кажется*). Говорящий А пытается «застраховаться» от возможного просчета в оценке актуального внимания адресата и его реакции на высказывание. Кооперативность говорящего состоит в приглашении к верификации высказанного мнения: «Поправь меня, если я ошибаюсь». Этот смысл поддерживается внутренней формой парентезы – значением предиката *кажется*: «наблюдение, зрительное восприятие – субъективно, ненадежно, ограничено» (ср. значение предиката: *Тебе всегда что-нибудь кажется*).

Рассмотрим диалог (2), который открывается общим вопросом. Общий вопрос задается А в метаинформационных (фатических) целях установления контакта с Б: иллокуция речевого акта вопроса требует, чтобы на вопрос ответили. Когда А собирается задать Б вопрос, он предполагает, что Б обладает знанием, которого у А нет, и А ожидает получить его от Б:

А – Кажется, вы уезжаете за границу?

Б – Кто Вам сказал? Никуда я не уезжаю.

До начала диалога (2) А обладает представлением о намерениях Б (А думает, что Б собирается уезжать за границу). Общий вопрос задается говорящим А с целью верификации своего предположения, построенного на неполном знании денотативной ситуации. Парентеза *кажется* выполняет роль метакоммуникативного показателя, который эксплицирует осознание говорящим того, что его может ожидать просчет в оценке денотативной ситуации (*кажется* – это модальный комментарий к пропозиции *вы уезжаете за границу*). Несмотря на осознаваемую возможность неверной оценки денотативной ситуации, А хочет оставаться кооперативным и продолжать диалог. Как следует из ответной реплики Б, А ошибся в оценке дискурсивной ситуации: Б не собирается уезжать за границу. Ответ Б можно расценивать как нежелание продолжать диалог².

Как показывает языковой материал, исследование функций парентез предполагает учет дискурсивных процедур: пока у людей нет некоторого общего знания коммуникативной ситуации, информационный диалог между ними невозможен. Рассмотрим диалог (3) – малознакомых людей, попутчиков, ко-

² Важное процедурное правило поведения адресата состоит в том, что Б обычно корректирует ошибку А.

торый начинается с вопроса-просьбы об идентификации предмета.

А – Кажется, что-то упало?

Б – Да, действительно, это мой чемодан упал с полки: поезд резко остановился.

А слышит звук (но не видит!), который распознает как падение какого-то предмета (А знает, что что-то упало, но не знает – что именно). А не обладает полным знанием, что и порождает просьбу об идентификации предмета. Говорящий А не ошибся в своей оценке знаний коммуникативной ситуации собеседника: запрашиваемый А предмет входит во множество активизированных знаний Б.

Если изъять из дискурса парентезу *кажется* (ср.: *Что-то упало?*), то иллокуция первого речевого акта может измениться (в случае изменения интонации на более резкую). В этом случае вопрос А будет восприниматься как более бесцеремонное требование ответить, отчитаться перед А. Просодия вопросительного высказывания с парентезой *кажется* не предполагает сильного акцента на парентезе (ср. другой акцент: *Конечно же, что-то упало!*), и парентеза *кажется* отражает вежливое, толерантное отношение говорящего, его неагрессивность (об интонации атонической темы см. [6:76–82]). Не исключено, что парентеза *кажется* выражает саморефлексию говорящего, в которой фиксируется осознание возможной импозиции. Термин «импозиция» означает такую оценку говорящим коммуникативной ситуации, при которой А считает, что некто или нечто, сейчас занимающее его внимание, занимает также и внимание слушающего. Это говорит о некоторой бесцеремонности говорящего, который навязывает слушающему предмет своего текущего внимания. Чаще всего импозиция встречается в начале дискурса, поскольку, чтобы начать диалог, говорящий А должен отвлечь внимание адресата от текущего, не имеющего к А отношения объекта, на котором сосредоточено внимание Б³. Импозиции происходят во всех контекстах – как открывающих, так и продолжающих дискурс.

³ Помимо приветствия, создающего речевой акт обращения к адресату, часто люди произносят «Простите...», которое, по всей видимости, указывает на то, что, навязывая адресату предмет своего внимания, они осознают, что совершают некоторое насилие над собеседником, и ощущают свою вину за это. Как правило, информационный дискурс начинается после того, как завершилась дословесная (клишированная) стадия импозиции [4:99].

Ср. авторский комментарий в следующем фрагменте (4):

– Вон ведут, *кажется*, кого-то, – **перебивает** товарища Саша Королев. (И. П. Максимов. Куча-мала (Из фронтального дневника) // «Бельские Просторы», 2010).

Яркий пример импозиции находим в диалоге (5). Ср.:

А – Кажется, что-то случилось? У тебя такое лицо...

Б – Нет, тебе показалось. Все в порядке.

А начинает дискурс общим вопросом: *Что-то случилось?* Общий вопрос предполагает наличие в пресуппозиции неспецифицированного предикационного знания «что-то случилось». Пресуппозитивное предикационное знание выводится говорящим А из данных наблюдения: выражение лица собеседника, с точки зрения говорящего, может свидетельствовать о произошедшем событии (*говорящему кажется, что...*). Рассматриваемый диалог имплицитно предполагает коммуникативную ситуацию: говорящий А совершил просчет: либо А считает, что в когнитивном множестве Б находится некоторое знание, которого на самом деле там нет; либо Б по каким-то причинам не хочет сообщать А запрашиваемую им информацию.

Если изъять парентезу *кажется* из дискурса, то иллокуция инициального высказывания может измениться с «мягкого» вопроса на вопрос-требование отчета (который уместен, например, в ситуации официально-деловых отношений). На этом основании можно предположить, что парентеза, помимо уже названной импозиции, может отражать следующее когнитивное, психологическое и коммуникативное состояние говорящего А и его оценку коммуникативной ситуации: говорящий А отдает себе отчет в том, что социальный статус собеседников, их отношения не предполагают подобного вопроса, который может расцениваться как вторжение А в личную сферу Б. А осознает, что его вопрос может показаться Б удивительным или неожиданным, поэтому А прибегает к иллокутивному «смягчению» с помощью *кажется*. Интонационный контур высказывания несет информацию о вежливости, доброжелательности и неагрессивности намерений говорящего А.

Для настоящего исследования представляет особый интерес диалогическое, вежливое употребление парентезы *кажется* в речевом акте вопроса, который отражает жела-

ние говорящего завязать разговор и разделить с собеседником свое мнение (6):

– Кажется, Вы постриглись? Вам идет...

Высказывание (6) – это своеобразная языковая игра говорящего: вопросительное предложение он употребляет в значении утвердительного (*я вижу, что вы постриглись*). Вопросительная форма выбирается говорящим, скорее всего, потому, что вопрос задает установку на ответ, на продолжение диалога (в большей степени, чем сообщение), при этом создается эффект доброжелательности, «смягчения» межличностных отношений. Парентеза *кажется* – знак осознаваемой говорящим импозиции начала дискурса: говорящий как будто бы просит прощение за то, что переключает внимание адресата на себя и навязывает ему разговор. Ср. также:

(7) А – Кажется, Вы кого-то ждете? Б – Да, вашего соседа.

(8) А – Кажется, лифт сломался? Б – Похоже.

(9) А – Кажется, идет наш автобус. Б – Нет, номер другой.

Говорящий А, опираясь на денотативную ситуацию, общую для собеседников, начинает дискурс с вопроса, устанавливающего контакт и задающего фатическое общение, лишённое информационного повода. Парентеза *кажется*, благодаря своей внутренней форме, включается в иллокуцию вопросительного речевого акта в качестве знака осознаваемой говорящим импозиции начала разговора.

2.2. Обратимся к неинициальным высказываниям, которые продолжают дискурс, прежде всего – это ответы на вопросы собеседника. Рассмотрим функции парентезы *кажется* в организации иллокуции ответного речевого акта (10):

А – Как звали мальчика?

Б – Не помню. Кажется, Петя.

Вопрос А имплицитно тот факт, что собеседники знакомы друг с другом и раньше обладали тем знанием, которое теперь приписывается как активизированное только у Б. От Б требуется референциальное знание данного термина. Б не обладает запрашиваемым знанием (*Не помню*), но, желая оставаться кооперативным, осознавая свое неблагоприятное коммуникативное положение, обусловленное затруднением ответить на вопрос (а это может помешать развитию дискурса), собеседник Б пытается вспомнить. Это когнитивное усилие (попытка вспомнить) возникло как реакция на вопрос и формируется

иллокуцией ответа (*не помню*). Коммуникативная функция парентезы состоит в том, что *кажется* маркирует следующее коммуникативное и когнитивное состояние говорящего: 1) Б хочет оставаться вежливым и продолжать разговор (функция поддержания контакта), а значит, ему нужно ответить на вопрос; 2) осознавая возникшее затруднение, Б предпринимает попытку вспомнить и для этого строит предположение по поводу запрашиваемой информации; 3) А должен правильно понять коммуникативную проблему Б: Б искренен в своей попытке вспомнить; 4) просодия сигнализирует о том, что Б **здумался** (парентеза произносится с интонацией атоначеской темы – безударно, приглушенно). Ср. следующее данное автором описание интонации высказывания с парентезой (11):

– Не помню, – сказал Будяев и так потряс головой, будто хотел проснуться.

– **Кажется**, говорили, – **здумчиво протянула** она. – Ну не важно.

(А. Волос. Недвижимость 2000//Новый Мир, 2001).

В следующем диалоге (12) когнитивное затруднение говорящего выражается парентезой и частицей *что ли*: «здесь и сейчас я стараюсь вспомнить / понять / определить».

А – Кем работала?

Б – Кажется, секретаршей, что ли ...

Или на телефоне сидела, звонки переключала (Комсомольская правда, 2006.02.23).

Несмотря на то что Б не обладает запрашиваемым специфицированным знанием, Б хочет оставаться кооперативным и продолжать дискурс, что и формирует иллокуцию ответного речевого акта: Б строит вынужденные предположения. Говорящий Б снимает с себя ответственность за утверждение. *Кажется* модифицирует иллокуцию сообщения, превращая ее в допущение-рассуждение. Если учесть тот факт, что Б, по сути, признается в своей коммуникативной некомпетентности, то информационная ценность его ответа для собеседника резко уменьшается, поэтому такой речевой акт можно считать фатическим, метаинформационным, служащим не собственно информационному обмену знаниями, а поддержанию контакта в диалоге.

Опираясь на данные Газетного подкорпуса и подкорпуса непубличной речи Устного корпуса Национального корпуса русского языка⁴, можно заключить, что в перформативных высказываниях парентеза *кажется* играет роль показателя внутреннего когни-

⁴ <http://www.ruscorpora.ru/>

тивного усилия и процесса припоминания. Эту функцию можно считать типовой. Нам встретились контексты с предикатами: *я помню...*, *я припоминаю...* или *я не помню...*, *я забыл...*, которые можно назвать эксплицитными, и контексты с подразумеваемым предикатом *помню/забыл* (имплицитные). Ср. диалог (13):

– В большом доме жил?

– Кажется, жил, — припоминал Гоша.

– На большой красивой машине катался? (Алексей Слаповский. Синдром Феникса // «Знамя», 2006).

Ср. также реплики:

(14) – Меня в это время не было, кажется, болел, был в отпуске... (Комсомольская правда, 2007.09.11).

Парентеза *кажется* маркирует внутреннее усилие и мыслительный процесс, который можно понятийно выразить так: «Я не помню точно, но пытаюсь вспомнить, я задумался над вопросом».

(15) – Я был еще маленький, но, кажется, помню, как она убеждала мать не брать меня с собой: «Что там ребенок будет с тобой делать?» (Комсомольская правда, 2007.03.26).

Парентеза обозначает: «Я предпринимаю попытку вспомнить».

Внутренний автодиалог (16) персонажа художественного произведения строится по тем же дискурсивным правилам, что и диалог реальных коммуникантов:

И потом в бессонные ночи, сидя на этом стуле, он думал: «А не встречался ли я с ней где-нибудь в городе?» Но, кажется, нет, не встречался (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

В художественном контексте эксплицировано то, что в реальном диалоге не всегда выражено, – взаимосвязь речемыслительных процедур: вопрос, когнитивное затруднение ответить, усилие вспомнить.

Все рассмотренные контексты предполагают такую коммуникативную ситуацию, которая вынуждает говорящего **«задуматься, вспомнить, припоминать что-то»**. Воспоминание о чем-то базируется на пресуппозитивном знании говорящего, приобретенном в прошлом. Я в прошлом – это другая временная реализация моего Я. Воспоминание, как показывает наш материал, связано с мысленным наблюдением самого себя в прошлом в пространстве своей памяти. «Мысленное наблюдение прошлых ситуаций» – так пред-

ставлен процесс воспоминания внутренней формой *кажется*.

Далее приведем диалог (17), в котором употребление парентезы *кажется* связано с коммуникативной ситуацией непосредственного наблюдения, зрительного восприятия говорящего и установкой – узнать известного собеседнику человека на фотографии.

А – Посмотрите на фотографию.

Узнаете: это он?

Б – Кажется, похож, но что-то не то (Комсомольская правда, 2005.12.15).

Говорящий, пытаясь ответить на вопрос, сравнивает фотографию с тем мысленным визуальным образом, который хранит его память.

В реальных разговорах, которые проводят люди, проявляются разнообразные когнитивные затруднения собеседников, связанные с неполнотой знания о денотативной ситуации. Помимо типового контекста со значением «припоминания», в котором запрашиваемая информация отнесена в план прошлого, парентеза *кажется* встречается в контексте, который имплицитно подразумевает незнание говорящим запрашиваемой информации, которая моделируется в будущем. Так, например (18):

А – Так кто у тебя будет, все-таки мальчик?

Б – Кажется, девочка, – ответила чемпионка.

В – А у меня, наверное, мальчик, – призналась Юлия Бордовских (Комсомольская правда, 2007.10.12)

Этот диалог позволяет сопоставить две парентезы – *кажется* и *наверное*. Прагматическое правило выбора говорящим парентезы *кажется* или парентезы *наверное* связано с тем, что *кажется* эксплицитно актуальное внутреннее мыслительное усилие, совершаемое в момент речи («не знаю, но пытаюсь почувствовать»), а *наверное* – некоторые (априорные) знания, полученные, например, в результате УЗИ (что в контексте подтверждается словом «призналась»).

В значении парентезы *кажется* эксплицитно актуальные внутренние мыслительные процедуры, в результате которых говорящий часто объявляет о найденном ответе, принятом решении. Ср. следующий художественный контекст (19):

– К двум к Алексею Алексевичу? – переспросил Марков и на мгновение **задумался**. – Кажется, **догадываюсь**, о чем будут вас просить (В. Гроссман, Жизнь и судьба (1960)).

Говорящий сначала *задумался*, а потом как результат этого сообщил: *догадываюсь*. При этом именно в момент речи говорящего посещает догадка: *кажется* – знак того, что состояние «задумался» продолжает длиться и в момент речи.

(20) – Я, *кажется, придумал*, – сказал Михайлыч, *изобразив сперва, что он внимательно подумал*. (В. Шукшин, Калина Красная (1973).

Метаречевому акту говорящего «Я *придумал*» в норме (и в соответствии с узуальным языковым значением) предшествует процесс «Я *подумал*». Говорящий сообщает об осознании им результатов своей ментальной деятельности, это осознание приходит в момент речи (*кажется*).

Проведенный анализ позволяет заключить: дискурсивная семантика парентезы *кажется* связана с ролью говорящего в дискурсе и отражает неполноту знания денотативной ситуации.

1) В инициальных речевых актах (1) – (9) говорящий вводит в поле зрения собеседника мысль, считая, что ее учет необходим для правильной реакции на коммуникативную ситуацию, при этом говорящий осознает, что не обладает полным знанием денотативной ситуации, может ошибаться в оценке знаний и предмета активизированного внимания собеседника. Парентеза отражает коммуникативную установку говорящего: «Поправь меня, если я ошибаюсь». Значение парентезы поддерживается внутренней формой – «ненадежность, субъективность, ограниченность зрительного восприятия» (*Говорящему может только казаться, что...*).

Парентеза *кажется* выполняет коммуникативную функцию: отмечает особое когни-

тивное, психологическое и коммуникативное состояние говорящего – осознание им возможной импозиции в момент начала дискурса: говорящий как будто бы просит простить его за то, что навязывает адресату свой предмет внимания. Парентеза отражает интенцию говорящего, направленную на установление связи с другим участником диалога, и ожидание адекватной реакции собеседника. *Кажется* – знак того, что говорящий хочет быть вежливым, испытывает к собеседнику добрые чувства (это отражается в просодии высказывания с парентезой).

2) Парентеза *кажется* участвует в формировании иллокуции ответных речевых актов в диалогах (10) – (20), которые имплицитно следуют: коммуникативная ситуация вынуждает говорящего осознать, что он испытывает когнитивное затруднение (не помнит / не знает того, о чем спрашивает собеседник), это заставляет говорящего «задуматься, вспоминать, припоминать что-то». *Кажется* – знак внутреннего мыслительного усилия говорящего (говорящий *задумался* над вопросом/сообщением собеседника и пытается вспомнить) и коммуникативной стратегии кооперативности (говорящий хочет ответить собеседнику). Внутренняя форма парентезы *кажется* представляет процесс воспоминания как процесс мысленного наблюдения говорящим самого себя в прошлом, событий своей жизни в пространстве памяти.

Парентеза маркирует **метаречевой** акт говорящего (*Я, кажется, понял/ придумал/ решил*), которому в норме предшествует внутренний ментальный процесс. Говорящий сообщает об осознании им результатов своей мыслительной деятельности, это осознание приходит в момент речи.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Типы лексикографической информации об обозначаемом лексемы / Ю. Д. Апресян // Избр. тр. : в 2 т. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. — Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — 1995. — С. 178—198.
2. Баранов А. Н. Путеводитель по дискурсивным словам / А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. — М. : Изд-во РАН, 1993. — 208 с.
3. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / МГУ им. М. В. Ломоносова : [под редакцией К. Киселевой и Д. Пайара]. — М. : Метатекст, 1998. — 447 с.
4. Йокояма О. Б. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов / О. Б. Йокояма. — М. : Языки славянской культуры, 2005. — 424 с. — (Studia philologica).
5. Падучева Е. В. Семантика нарратива / Е. В. Падучева // Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). — М. : Языки русской культуры, 1996. — С. 193—418.
6. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Е. Т. Янко : [ин-т языкознания РАН]. — М. : Языки славянской культуры, 2001. — 384 с. — (Studia philologica).

7. Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте / Т. Е. Янко : [ин-т языкознания РАН]. — М. : Языки славянских культур, 2008. — 312 с. — (Studia philologica).